

Гамлета он готов был променять на Пьера Безухова

Культура. — 1999. — 25 февр. —
3 марта. — с. 8

Проба на роль князя Андрея
в "Войне и мире"
С. Бондарчука

В московском издательстве "Алгоритм" вышла книга воспоминаний Иннокентия Смоктуновского. Написана она актером собственноручно, без участия литературного консультанта. И, как утверждают издатели, случайно, в разговоре с женой актера, выяснилось, что существуют его мемуары. Хотя само название "мемуары" тут не вполне уместно. Скорее всего, это фрагменты воспоминаний, сделанные Иннокентием Михайловичем в разные годы, вне какой-либо системы и хронологии. Былое и думы. Мысли о счастье, детях, посадке человека на Луну, об отце Михаиле Петровиче Смоктуновиче, погибшем на фронте в 42-м, своем ощущении войны — глава называется "Ненавижу войну".

Вполне вероятно, что читателя могут разочаровать эти страницы.

Нет в них особой занимательности. Но ценны эти строки уже тем, что проливают свет на то, о чем думал этот выдающийся артист, что пережил, что заставило его взяться за перо. Неожиданные, резкие порой суждения он делает.

Думал о роли Каренина совсем не так, как чаще всего мы ее себе представляем: "... он — хороший человек, едва ли не всеобъемлющий, большой государственный муж с прогрессивными взглядами. Как можно поставить его в разряд желчных и недалеких? Он выше окружающих ... он и жесток, но и всепрощающ до самозабвения. Много ль из того, что на глупой голове красивые уши? Да, у него уши торчат вразлет." А вывод таков: будь они иными, Ання, чего доброго, не ушла бы к Вронскому, а Толстой тогда бы не написал роман.

О книге Иннокентия Смоктуновского "Быть!"

Репертуарный лист Смоктуновского впечатляет. Помотало его по жизни и стране: Красноярский театр, Норильский Заполярный, театры в Махачкале, Сталинграде, Ленинградский БДТ, а потом Москва.

Столичная жизнь сладкой не была. Ни прописки, ни работы. "Лето, жара, а я в лыжном костюме". Спал в подъезде на подоконнике седьмого этажа дома, заселенного до шестого этажа. Туда люди редко поднимались. Но всякий раз приходилось прислушиваться к голосам, движению лифта, держаться подальше от чужих глаз. Не дай Бог, заметит кто. Многомесячное хождение по театрам ни к чему не приводило. Так начиналась московская жизнь. Читаешь эти страницы — кровь стынет от ужаса. Ведь все это бы-

ло со Смоктуновским, не с кем-то там еще.

Список ролей тоже производит впечатление. Да, Мышкин, да, Себряков и Иванов. Но кроме них — легион каких-то слуг, купчиков, чего-то второстепенного. Многие прошли мимо. Сергей Бондарчук хотел снимать его в роли Андрея Болконского. Но на совмещение "Гамлета" с "Войной и миром" исторически не соглашался Козинцев. "Если бы Бондарчук предложил Пьера — я бы отказался от Гамлета. Я говорил Бондарчуку об этом, но его актерский эгоизм победил..." — напишет Смоктуновский. А вот что он скажет о принесшем ему столько славы "Гамлете": "Прочтя чудовищный сценарий Г. Козинцева, я дважды категорически отказывался от этого "любезного" приглашения на роль".

Многое в этих записках удивительно для стороннего взгляда. Работа с Михаилом Роммом в картине "Девять дней одного года" была и счастьем, и мукой. Терпимости по отношению друг к другу актеры не проявляли. Смоктуновского многое не устраивало в работе коллег, их "фанерные лица". Это — о Т. Лавровой и А. Баталове. Все непросто. Очевидно, не прост был и сам Иннокентий Михайлович. Недаром же ходили разговоры о его скверном характере, о чем он, кстати, сам написал, пытаясь понять истоки подобных разговоров. Словом, читателю, взявшему в руки книгу "Быть!", предстоит нелегкий труд. Зато он что-то новое поймет в человеке, которого нарекли гением.

Светлана ХОХРЯКОВА

Смоктуновский Иннокентий

3.03.99